

С. Н. Хомченко

ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ В МЕМУАРАХ ПЛЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВЕЛИКОЙ АРМИИ НАПОЛЕОНА

Тема военнопленных Великой армии Наполеона на Южном Урале в 1812–1814 гг. в отечественной историографии впервые была поднята П. Л. Юдиным, опубликовавшим в конце XIX в. несколько работ, в которых было уделено внимание и пленным французам. Однако часть работ мала по объему и носит информативный характер, а большая статья, размещенная в «Русском архиве», содержит ряд неточностей. В советский период лишь в работе П. Е. Матвиевского, посвященной истории Оренбургского края в 1812 г., рассматривались отдельные эпизоды из жизни находившихся здесь пленных.¹

Мы в своих работах также обратились к этому вопросу, проанализировав и официальную документацию о военнопленных, и мемуарную литературу.² Воспоминания хоть и не являются полностью достоверным источником, но все же дают полезную информацию о жизни в российской провинции. Свои воспоминания о пребывании в Оренбургской губернии оставили унтер-лейтенант вестфальского 2-го гусарского полка С. Э. Рюппель, капитан французского 2-го конно-егерского полка П. Ноказ, капитан французского 125-го линейного полка голландец К. Вагевир, су-лейтенант французского 36-го линейного полка О. Белэ и солдат французского 9-го легкоконного полка ханноверец К. Циммерманн.³

¹ См.: Юдин П. Л. Французы-казаки // Оренбургские губернские ведомости. 1892. № 32; Он же. Ссылные 1812 г. в Оренбургском крае // Русский архив. 1896. № 3. С. 24–33; Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962.

² См.: Хомченко С. Н. Мемуары военнопленных армии Наполеона, прошедших плен в Оренбургской губернии в 1812–1814 гг. // История Оренбургская: Наследие и современность. Оренбург, 2006. Т. 2. С. 325–336; Он же. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XV Междунар. науч. конф. Можайск, 2009. С. 360–386. Мы намеренно опускаем в данной статье сведения из официальной документации и приводим только субъективные воспоминания мемуаристов.

³ См.: Ruppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912; Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les

Большое впечатление на мемуаристов произвели огромные степи, простиравшиеся за Волгой, и небольшие крепости, протянувшиеся цепочкой до Оренбурга. Городская крепость состояла из дюжины домов, населенных казаками, и была обнесена высоким земляным валом. На входе и выходе стояли часовые.

Оренбург, окруженный заснеженными крепостными стенами, из-за которых выглядывали зеленые купола церквей, смотрелся очень живописно. Внутри Рюппель отметил идеальный порядок, напоминавший о немецком гарнизонном городе, а с высокого берега Урала открывался прекрасный вид.

Мензелинск был маленьким городком, расположенным на холме, у подножия которого протекала речка Мензелинка. Мельница с водяным двигателем обеспечивала мукой жителей города и окрестностей и являлась основой городской экономики. Здания были деревянными, среди них выделялась каменная церковь. Городом управлял городничий (Gornitschik), под его командой состояло тридцать–сорок инвалидов, вооруженных пиками. За порядком также наблюдала полиция.

Бирск, совершенно засыпанный снегом, сначала произвел на пленных нерадужное впечатление. По словам Белэ, это маленький, захудалый городок, ставший уездным только потому, что на 60 лье в округе нет ни одного более значительного поселения. Здесь стоял гарнизон во главе с начальником, находился многочисленный штаб, а также располагался штат чиновников-канцеляристов.⁴

Рюппель с товарищами был размещен в Оренбурге в достаточно хорошей казарме. Пленных снабдили войлоком, теплыми покрывалами и горячей едой, состоявшей из

frontieres de cet empire, du cote de l'Asie. P., 1817; Wagevier C. J. Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in en torugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. Amsterdam, 1820; Belay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. P., 1907; Zimmermann Ch. C. Bis nach Sibirien. Hannover, 1863. Мемуары Ноказа были изданы анонимно. Об их атрибуции см.: Попов А. И., Хомченко С. Н. Установление авторства анонимных мемуаров // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2007. (Тр. ГИМ. Вып. 166). С. 215–223.

⁴ См.: Ruppel E. Op. cit. S. 143; Wagevier C. J. Op. cit. S. 117, 118; Belay H. Op. cit. P. 126, 127, 130.

Хомченко Сергей Назарович — к.и.н., с.н.с. государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника (с. Бородино, Можайский р-н, Московская область)

E-mail: sergey_1812@mail.ru

капустного супа, жареной рыбы и гречневой каши. Позже часть пленных была переведена в уездный Бузулук, где Рюшпель с двумя офицерами был поселен в избушке, большую часть которой занимала печь. Спали на ней и на узкой лавке у стены. Домашняя утварь состояла из нескольких металлических горшков, пары деревянных тарелок, ведра и топора. Втроем военнопленные поделили между собой обязанности. Польский подпоручик Пулевский, хорошо говоривший по-русски, взял на себя закупку продовольствия и приготовление пищи, вестфальский унтер-лейтенант Шнупхазе — поддержание огня и уборку в комнате, а Рюшпель должен был колоть дрова и носить воду. Другие пленные также вели общее хозяйство.

Ноказ с четырьмя товарищами в деревне К... был размещен в отдельной комнате крестьянского дома, очень маленькой, но пригодной для жилья. Здесь пленные находили возможность достать себе качественное и дешевое продовольствие. Однако вскоре они были переведены в Кинель-Черкассы, а оттуда — в Сарбай, где Ноказ с солдатом оказался в одном помещении с четырьмя крестьянами, кобылой, тремя телятами, десятью овцами и 28 другими мелкими домашними животными. При этом Ноказ отмечал, что ему еще повезло, так как некоторые оказались в доме со свиньями. Через несколько месяцев Ноказ был переведен в Бугуруслан, где жилищные условия были приемлемые. Здесь он вел общее хозяйство с семью офицерами, занимаясь закупкой продуктов, которые были крайне дешевы. Борьба со скукой помогали французские книги, которые Ноказ брал читать у местных дворян. Длинные вечера скрашивал и красивый триктрак, который сделал ему солдат, столяр-краснодеревщик.

Вагевир поселился в комнате с двумя другими голландскими офицерами. Все они долго служили в армии, поэтому им не нужно было многого. Шестеро голландцев вели совместное хозяйство. Офицерского жалованья (50 коп. в день) хватало, чтобы жить относительно хорошо. По средам в городе действовал рынок (*bazar*), куда окрестные жители свозили различные продукты, рыбу, дичь. Все стоило очень дешево. Например, за 25 «ободранных зайцев» просили 4 коп. Правда нужно учесть, что местное население не употребляло их мясо в пищу (считая их сродни кошкам), а использовало только их шкурки.

Белэ сдружился со своим однополчанином, хирургом Брюггеманом. В Бирске их поселили в доме сборщика налогов, который оказал постояльцам радушный прием. Благодаря своей профессии Брюггеман пользовался огромной популярностью, поэтому ему часто делали небольшие подарки, отчего офицерский стол становился лучше и разнообразнее, а некоторые из подарков служили украшением комнаты.

Питались офицеры группами по пять–шесть человек. Приготовлением еды занимались также пленные солдаты. Группу Белэ обслуживал настоящий шеф-повар, обладавший способностями и желанием готовить. Мясо было отличного качества, рыба отменная. Дичь водилась в изобилии, и крестьяне продавали ее за бесценок. Каждый офицер по очереди делал покупки на рынке. Мука была такой же белой и превосходной, как во Франции. Один солдат, в прошлом подмастерье булочника, пек хлеб. Напитки заменяла вкусная вода, которая текла прямо с уральских ледников. Материальные условия жизни пленных были таковы, что о большем они не могли и мечтать. Французы постепенно стали понимать русский язык, а потом и немного говорить на нем.

Циммерманн, как и другие солдаты в Бузулуке, жил с хозяевами в крестьянской избе, где влачил жалкое существование. Худшее неудобство составлял ужасный дым, заполнявший жилище при растопке печи, и угарный чад. Пленным отвели угол на крайних лавках. Помещение кишело всякого рода насекомыми: тараканы днем и ночью бегали по скатерти и стенам, что будило спящих. От властей Циммерманн получил пару ботинок, рубашку, штаны и сюртук. Регулярное снабжение заключалось в провианте и денежном содержании в размере 5 коп. в день. Радовала дешевизна продуктов: фунт лучшей говядины стоил 12–16 пфеннигов (7,5–10 коп.), фунт хлеба — 8 пфеннигов (5 коп.), капуста и огурцы, выращиваемые повсеместно, стоили копейки.⁵

Постепенно между пленными и местными жителями установились благоприятные отношения. Особенно это касалось пленных офицеров и русских дворян. Сближение произошло тем более легко, поскольку большинство рус-

⁵ См.: Rüppel E. Op. cit. S. 144, 147, 148; Voyage d'un officier... P. 50–52, 105, 116, 123–126; Wagevier C. J. Op. cit. S. 118–121; Belay H. Op. cit. P. 130, 135, 136; Zimmermann Ch. C. Op. cit. S. 30, 31.

ской знати хорошо говорило по-французски и испытывало огромный интерес к европейцам.

В Оренбурге Рюппеля и других плененных офицеров часто навещали русские офицеры, один из которых, Раймунд Адамович, пригласил Рюппеля к себе на квартиру и угостил обедом. Вечером Раймунд проводил его до казармы, где комендант как раз потчевал его товарищей по несчастью. Наутро новый друг показал Рюппелю город и даже провел на бастион. Это приятное знакомство просто осчастливило военнопленного.

В Бузулуке Рюппель с несколькими товарищами был приглашен в загородное поместье Покровское, принадлежавшее дворянину Василию Ивановичу Племянникову (v. Plemjanikov). Они выехали туда на несколько дней с разрешения городничего. Вечером собрались гости из соседних поместий. Многие свободно говорили по-французски. Одной из тем разговоров стали победы русской армии, что ухудшило настроение плененных. Заметив это, хозяин запретил говорить о политике. Вскоре гостей пригласили за богато накрытый стол. Особо Рюппелю понравилась ботвинья — холодный рыбный суп с огурцами и капустой, стерлядь и цимлянское вино. Вечером, при свете свечей, старшие дамы и господа отправились к карточным столикам, а пленные пошли танцевать с девушками. Оркестр состоял из флейты и двух скрипок, на которых играли крепостные. После чая снова танцевали, и только в полвторого ночи все разошлись. Следующий день также прошел в веселье и развлечениях, а вечером господин Племянников пригласил Рюппеля в кабинет и сообщил о намерении дать ему приют в своем доме, что было воспринято с благодарностью.

Рюппелю предоставили комнату, достаточно белья и одежды, выделили мальчика-слугу. Вскоре Рюппель слег от лихорадки, и только искусство бузулукского доктора Якоба Штобойса (v. Stobaeus), пруссака по происхождению, спасло ему жизнь. Навещать больного приходили многие молодые дамы, а госпожа Племянникова просиживала у его постели целыми днями. Через несколько недель Рюппель встал на ноги. Когда позволила погода, хозяева начали устраивать своему подопечному конные прогулки и охоту. Ближе к лету в Покровское стали приезжать гости, и Рюппелю посчастливилось познакомиться с Н. Карамзиным, известным историком и беллетристом.

По приглашению помещика Ивана Гавриловича Жданова (Stannow), Рюппель совершил двухнедельную поездку в поместье в окрестностях Бугульмы. Там хозяин устраивал прогулки, охоту на озере, а по вечерам девять молодых служанок развлекали гостя, играя на балалайках и танцуя в народных костюмах, что приводило молодого человека в восторг.

Следующую поездку со своим покровителем Рюппель совершил в имение Степное, близ Уральска. Там они занимались охотой и рыболовством, а также съездили в стоящий неподалеку киргизский табор, где обменяли водку на кумыс и наблюдали скачки киргизов на лошадях и стрельбу из лука на скаку по воткнутой в землю пике.

В Бугуруслане Ноказ сблизился с помещиком Т., они часто обедали вместе. Т. разрешил Ноказу пользоваться своей обширной библиотекой. О местном городничем мемуарист сообщил, что тот всегда был к ним справедлив и требовал того же у окружающих. Капитан-исправник также был с ними очень любезен. Он предлагал пленным офицерам поселиться в дворянских усадьбах, где бы их гостеприимно встретили, но французы отказались, предпочтя жить скромно, но вместе.

Однажды на улице какой-то господин пригласил Вагевира в дом своих друзей, где он был очень хорошо встречен. За чаем голландца расспросили о чем только можно. Беседа велась на немецком языке. Новый приятель оказался помещиком Степаном Никитовичем Майоровым (Majarof), отставным майором, проживавшим в имении в восемнадцати верстах от Мензелинска. Вагевир выразил желание побывать там и тут же получил приглашение. Городничий согласился отпустить пленного офицера под расписку, что он не попытается сбежать. Находясь вдали от Амстердама, тот легко согласился на это условие. Утром повозка, запряженная тройкой лошадей, отвезла мемуариста в поместье. Степан Никитович встретил его на пороге дома и познакомил с семьей — женой и тремя маленькими дочерьми. После обеда хозяин приказал крепостному Якову показать гостю его комнату, а также сказал, что слуга поступает в его распоряжение.

На следующее утро Вагевир был приглашен к завтраку. Слуги внесли чай и кофе, а хлеб с маслом, сыром и другие закуски находились на небольшом столике у стены, отку-

да каждый мог брать, что хотел. Голландец также выкурил трубку хорошего турецкого табака. После завтрака Степан Никитович показал гостю свое имение с многочисленными постройками и службами. После обеда и дневного сна они отправились на конную прогулку по окрестностям, а вечером играли в карты.

Последующие дни также проходили в прогулках и развлечениях. Приятели посетили отца хозяина, почтенного семидесятилетнего полковника, жившего в своем имении в шестнадцати верстах. Так как Вагевир был представлен уже многим окрестным помещикам, его стали называть на русский манер Карлом Ивановичем. Местное общество любило охоту, и Вагевир стал частым участником псовых охот на зайцев, куропаток, гусей и уток.

Решив навестить товарищей, голландец совершил поездку в Мензелинск. Степан Никитович дал ему повозку, нагруженную мукой, рыбой, свининой, дичью и другими продуктами, и попросил вручить все это пленным товарищам. Вагевир провел с земляками четыре дня.

Опираясь на голландский опыт, Вагевир дал Степану Никитовичу несколько хозяйственно-бытовых советов, которые тот с благодарностью принял и применил у себя в поместье. Окрестные помещики тоже стали перенимать этот опыт.

В мае 1814 г. мемуарист со Степаном Никитовичем посетили татарскую ярмарку, проходившую в 25 верстах в открытом поле. На голландца большое впечатление произвели конные состязания мужчин, одежда и украшения женщин. В свою очередь татары, признав в нем чужеземца, окружили его и через Майорова стали задавать различные вопросы о его родине. Эта беседа очень позабавила Вагевира и Степана Никитовича.

15 мая голландец вновь поехал на несколько дней навестить своих товарищей. Яков привез следом подарки — мясо, рыбу, вино и большой торт, ужасно пострадавший при перевозке. Первый тост был «за здоровье бравого Степана Никитовича и его доброй домохозяйки». Обсуждали последние новости — приближение русских войск к Парижу. Это означало скорое получение Голландией независимости и возвращение домой.

Белэ и хирург Брюггеман в Бирске также были желанными гостями во многих домах. Свободное время офицеры проводили в ка-

бачке, куда приходили и многие горожане. Некоторые жители Бирска получали газеты, из которых пленные узнавали новости о Франции.

Брюггеман вылечил сына губернатора, для чего был вызван в Уфу. Позже, когда у офицеров появилась возможность вернуться домой раньше основной группы пленных, Белэ и Брюггеман предприняли поездку в Уфу, чтобы получить у губернатора положенные им, как они по ошибке считали, 100 руб. на обратную дорогу. Уфа, в описании мемуариста, представляла собой довольно большой город, построенный в виде амфитеатра на холмах, возвышающихся над Белой, которая здесь уже не просто речка, а величественная река. Большая часть домов построена из дерева, почти у каждого есть сад, но расположены дома беспорядочно, без особой заботы о прямоте улиц. В ожидании отлучившегося губернатора французы месяц жили в его дворце, где их окружила заботой его супруга. Вернувшийся губернатор вручил им подорожную и по 50 руб., что испортило их впечатление о нем. Ситуацию сгладил уфимский полицмейстер Караулов, которого Брюггеман вылечил от мучившего его недуга. Во время пребывания Белэ и Брюггемана в Уфе он несколько раз приглашал их на охоту, а однажды устроил праздничный ужин, ставший началом бесконечной вереницы приглашений со стороны других дворян, которые оспаривали между собой право оказать им прием. При отъезде французов Караулов в благодарность обеспечил их каретой, набитой припасами, которых хватило на обратный путь.

Положение пленных солдат заметно отличалось от положения офицеров. Когда Циммерманн достиг одной из деревень Бузулукского уезда, он был серьезно болен, как и многие его товарищи. Их разместили по крестьянским домам, и некоторые хозяева постарались от них избавиться: ночью они якобы выносили больных и беспомощных на улицу, где те замерзали. Утром властям сообщали о смерти пленного, а выяснением ее причин никто не занимался. Циммерманну повезло с хозяйкой, которая ухаживала за ним, давая воды или молока. Однажды в комнату вошел хорошо одетый господин, заговоривший по-немецки. Он оказался доктором, урожденным пруссаком. Штобойс осмотрел Циммерманна и пообещал прислать лекарства. Каждый день с докторской кухни Циммерманну при-

носили еду. Так продолжалось десять недель. На Пасху ханноверец смог проделать путь до дома Штобойса, чтобы выразить ему свою благодарность. В дальнейшем он не раз бывал здесь, и две дочери доктора охотно танцевали под флейту, на которой играл Циммерманн.

Дворяне своим обращением с пленными солдатами подавали хороший пример простолюдинам. Они договорились между собой поочередно принимать некоторых солдат как гостей в своих имениях. Циммерманн дважды воспользовался таким приглашением, чем он был обязан рекомендации доктора Штобойса, знанию французского и умению играть на флейте и гитаре. Штобойс ввел его в семью помещика Жданова. Циммерманн со своей флейтой и гитарой был желанным гостем в его доме и получал от дам знаки благодетельного участия.

Обычно же солдатам приходилось разделять образ жизни русских крепостных. Но и здесь Циммерманн нашел способ улучшить свое положение и вызвать уважение крестьян: достаточно было соблюдать некоторые религиозные обряды, например креститься на иконы и перед приемом пищи. Это было средством показать, что он не язычник и верит в Бога, в чем крестьяне сомневались по поводу большинства других пленнх. После этого его не обижали и не издевались над ним, не отказывали в чашке для питья или в ложке, что часто случалось с пленными, а если же им давали эти предметы, их помечали и сами больше не использовали. Ханноверец смог войти в хорошие отношения со своими хозяевами и потому, что приложил старания для изучения русского языка и вскоре мог с ними свободно объясняться. В некоторых ситуациях он выступал в качестве переводчика. Так Циммерманн заработал определенный авторитет, позволявший ему самому разговаривать в угрожающем тоне и не встречать возражений.⁶

Занятия пленнх, в зависимости от ситуации, были способом либо улучшить материальное положение, либо скрасить пребывание в плену. В Бугуруслане один французский солдат купил игральные карты и, представляясь пророком, выманивал у доверчивых крестьян

деньги. Например, однажды он унес сушившееся белье и спрятал его в стоге сена. Когда же крестьянин пришел к нему, «пророк» за соответствующую плату «предсказал», где найдется пропажа. В другой раз он попробовал себя в роли врача, когда к нему обратились за помощью по поводу больного. Француз сначала отказывался лечить, но когда ему предложили крупное вознаграждение, он не удержался и дал порошок из сушеных трав. На удивление, больной выздоровел, но в дальнейшем солдат больше не рисковал и занимался только картами. Услугами «пророка» пользовались и благородные дамы, желающие узнать новости о русской армии.

Некоторые пленные наладили производство соломенных шляпок, которые они успешно сбывали местным модницам, другие делали кубики для игры в кости. Циммерманн научился плести кольца из конского волоса, которые продавались или дарились. Волос сначала красили в зеленый, желтый и красный цвет в кипятке, куда клали куски воротников и обшивки с военной формы, потом он искусно сплетался в кольца с именами или девизами.

В Бирске один шустрый парижанин открыл кабачок под названием «Парижское кафе», который посещали не только пленные, но и местные жители. Здесь подавали чай, кофе, плохое пиво и ржаную или картофельную водку, была там и оборудованная курительная комната.

Иногда пленные нанимали у крестьян повозки и катались по окрестностям Бирска. Особенно любили гулять на берегу Белой. Офицер Роллан, окончивший политехническую школу, предложил товарищам делиться знаниями. Из почти шестидесяти офицеров четырнадцать согласились, и скоро, несмотря на критику и насмешки менее трудолюбивых товарищей, начались занятия в кружке, шутливо названном Ученым советом. Роллан преподавал математику и арифметику, позже — алгебру и геометрию, причем объяснял материал так ясно, что многим было все понятно с первого раза. Одновременно Роллан вел курс литературы. Доктор Брюггеман сделал обзор естествознания, ботаники, физики, анатомии и медицины. Капитан Валлен заставил вспомнить историю Франции, а шеф батальона Ландвуазен великолепно обрисовал картину правления Наполеона, подробно проанализировав русскую кампанию. Зимой

⁶ См.: Rüppel E. Op. cit. S. 144–147, 149–168; Voyage d'un officier... P. 154, 155, 197; Wagevier C. J. Op. cit. S. 126–150; Belay H. Op. cit. P. 132, 135–136, 145, 157, 170–173; Zimmermann Ch. C. Op. cit. S. 26, 27, 29, 30, 32.

занятия Ученого совета проходили в «Парижском кафе», весной часто переносились за город, на природу. Многие слушатели получили большое удовольствие от такого образования. Постепенно Ученый совет расширился.⁷

Пленные мемуаристы оставили описание множества деталей жизни и быта населения Южного Урала. На некоторых из этих описаний хотелось бы остановиться.

Вот, например, каким Ноказ увидел местное население (здесь и далее текст цитируется с сокращениями):

«У тех [русских], кто воспитан в столицах, есть знания и манеры, другие крайне невежественны, но скорее из-за отсутствия хороших учителей и дефекта образования, так как у русских естественный разум, но мало средств заставлять учиться молодых людей. Когда их выучат французскому языку и игре на гитаре, это считается законченным образованием.

Русские женщины используют ежедневно паровые ванны, но они часто пренебрегают этим и очень нечистоплотны; их дома плохо прибраны.

Слуги обычно одеты в обноски, но во время торжеств все изменяется; мужчины и женщины одеваются в красивые элегантные одежды, слуги также получают разрешение красиво одеться. Но это длится только несколько часов, после чего все возвращаются к обычной нечистоплотности.

Русские дворяне играют со страстью в азартные игры; они проигрывают часто все их состояние. В отсутствие наличных денег нередко можно видеть, как они разыгрывают на картах десять, двадцать или сто крестьян. Часто двадцать несчастных семей в течение ночи разгула находятся в десяти различных руках, когда слепое везение непостоянно.

Все русские крестьяне — рабы помещиков или государства. Они обрабатывают земли помещика под командованием управляющего. Два дня в неделю они обрабатывают предоставленные им земли, но не тогда, когда хозяин этого не хочет. Например, при сборе урожая каждый хороший день используется, чтобы собирать зерно хозяина, а если начинаются дожди, то эти дни достаются крестьянам, так что эти несчастные заканчивают свой сбор в дождь или снег. Зимой крестьяне везут дрова и работают в поместье; они счаст-

ливы, если находят время запастись лесом и отремонтировать сельскохозяйственные орудия для себя! Если крестьяне трудолюбивы и искусны, они разводят домашнюю птицу и овец и живут действительно зажиточно; но если отчаяние захватывает этих несчастных людей, тогда они предаются пьянству и абсолютно бедны.

Государственные крестьяне — тоже рабы, но они не могут быть проданы. Их судьба менее жалка; ими управляет капитан-исправник (*capitaine Ispronig*), который полностью контролирует судебную администрацию государственных деревень. Нужно, чтобы они выкупали денежными подарками свое спокойствие, но эта жертва делает их налог очень легким в мирное время и смягченным во время войны.

Здесь большое разнообразие наций. Наиболее многочисленные татары (*Tatars*). Они разделены на три класса: одни живут в городах и занимаются торговлей; другие живут в больших и красивых деревнях и занимаются сельским хозяйством; третьи — кочевые татары, или башкиры (*Basquirs*), — заняты только разведением скота и весь год живут на биваках.

У деревенских татар глава поселения — мулла (*Molla*) (священник). Все татары следуют религии Магомета, платят налоги, поставляют рекрутов. Татары живут в красивых деревнях, в удобных домах. Они красивые люди и хорошо одеты; их женщины имеют азиатскую внешность, что привлекало мой взгляд. Я нахожу, что одежда им очень идет. Татары могут взять четырех жен по закону, а также столько сколько они смогут прокормить, для своих сомнительных удовольствий. У богачей у каждой законной жены отдельный дом, и муж устанавливает порядок, чтобы у каждой было свое время. У простых все законные жены находятся в гареме. У мужа отдельная комната, и туда фаворитка приходит проводить ночь.

Татары, хоть и богаче других народов, живут намного проще и едят пищу, которую варят в бараньем бульоне. В праздничные дни они едят конину, которую считают деликатесом. Их обычный напиток — смесь коровьего и кобыльего молока, разведенная пополам с водой.

Другая часть татар, которых я бы назвал добряками — башкиры. Это кочевники и военные. Они разделены на девять кантонов (*cantons*), их численность — сто тысяч чело-

⁷ Voyage d'un officier... P. 159–163, 197; Belay H. Op. cit. P. 139–143; Zimmermann Ch. C. Op. cit. S. 33.

век. Они живут в уральских степях к северу от Оренбурга и по берегам реки Урал. Каждым кантоном управляет хан (Kan); они не платят налогов, но формируют конные полки, которые используются на русской службе, но обычно они следят за киргизами (Kirgis), главными врагами татар.

Казачи — люди, ставшие знаменитыми за последние несколько лет. Они свободны. У казаков, которые живут на берегах реки Урал, есть привилегия — рыбная ловля на этой реке и большие владения на ее берегах. Они поставляют полки и служат от Оренбурга до Каспийского моря. Эти полки они снаряжают за свой счет. Столица их — Уральск. Большая часть казаков живет в деревнях, рассеянных по берегам реки. Их земли разделены на военные округа, которыми управляют офицеры, каждый округ имеет в качестве главы атамана (Ataman).

Чуваши (Thouvaches) — свободный народ, они платят налоги и поставляют рекрутов. Они верят в Бога, но у них нет письменных законов; их вынуждают креститься, но это единственный акт христианства, который они совершают.

Мордва (Mordois) очень распространена в этой части России; у них греческая вера, но другой конфессии, чем у русских. У мордвы и чувашей приблизительно одинаковая одежда, но первые более элегантны. Они живут в примечательных домах с каминами.

Имеется еще нация, черемисы (Therenis), но она так сильно походит на чувашей, что их легко перепутать. Они отличаются только тем, что первые испытывают отвращение к собакам, а вторые, напротив, о них судят очень хорошо».⁸

А такими увидел татар Вагевир:

«Татары держат много наложниц, некоторые от четырех до шести. Головной убор девушек в этой стране состоит из шелковой ткани различных цветов, с золотым или серебряным орнаментом, в косы вплетены шнурки с подвешенными монетами, которые стучат друг о друга, издавая необычный звук. Другие надевают на голову длинную накидку, которая застегивается под подбородком и спускается вниз до пят.

Наблюдая различные азиатские игры, которыми развлекались татары, я был свидетелем скачек с теми же правилами, как в

наших местах, но с тем исключением, что татары сидят на неоседланной лошади, управляя уздой. Я никогда не видел такой искусной езды. Приз состоит в шелковой ткани или шапке».⁹

Циммерманн оставил следующие сведения о крестьянах:

«Русские крепостные владели жалкую жизнь. Их стол состоял из щей с кислой капустой и соленых огурцов с хлебом. Единственным добавлением были большие рыбины, которых там ловили в изобилии. Крестьяне рабски преклоняются перед благородными людьми и готовы сгибаться до земли перед любым хорошо одетым человеком. Государственные крестьяне меньше подвержены произволу, они более стойки, лучше и чище живут в управляемых государством деревнях.

В выборе жилья они тоже были ограничены; каменных домов нигде не видно, только срубовые одноэтажные избы с дощатой крышей. Вход обычно делался таким низким, что войти можно только согнувшись. Окнами служили маленькие квадратные отверстия в фут шириной, стекло заменял лошадиный пузырь. В сильные морозы это отверстие, которое служило также единственным выходом для дыма и пара, закрывалось ставнями. Жилое помещение такого дома являлось и спальней, и кухней, а зимой и хлевом. Большую часть помещения занимала огромная печь, сделанная из глины, в которой варили и пекли еду. С утра она так раскалялась, что потом в течение всего дня согревала дом. На печи и на полатах, вровень с ней укрепленных на стенах, спала вся семья, стар и млад, все вперемешку. На полати они клали кусок войлока и укрывались тулупами, в которых ходили днем. Остальное домашнее убранство было таким же простым. Лавки из грубого необструганного дерева у стен и вокруг печи. Внизу загон для кур, овец и поросят, задвигавшийся дверцами. Середину комнаты занимал грубый стол. В комнате содержались даже телята, а зимой здесь каждое утро доили коров, так как снаружи молоко могло замерзнуть.

Единственное радостное явление в таком жилье — их иконы. Во всех домах на стене в углу напротив печи прикреплен шкафчик с полками, на которых расставлены эти картины, часто в богатых золотых окладах. Перед

⁸ Voyage d'un officier... P. 57–59, 118–121, 130–142.

⁹ Wagevier C. J. Op. cit. S. 146, 147.

ними горит маленькая свечка. Каждый входящий сначала поворачивается к этим иконам и крестится перед ними с многими поклонами. После этого он приветствует присутствующих и получает ответные приветствия. Эта процедура также происходит перед каждым приемом пищи.

В высшей степени простой и стабильный образ жизни крестьян мог быть причиной того, что они были очень здоровыми, этому способствовал и обычай посещать любимую ими парную баню. Даже в самых бедных дворах были предназначенные для нее постройки. Каждую субботу все ходили в баню и при любом недомогании обращались к ней же. Для поддержания чистоты я также часто посещал ее. Я даже начал получать в отдыхе там особое удовольствие, но все-таки ни разу не отважился, как это делали русские, броситься из кипящего жара парной в ледяной снег».¹⁰

А вот описание Ноказом рыбной ловли на Урале:

«Казачи очень богаты, они обязаны своим состоянием реке и продаже рыбы. Устье Урала находится у Каспийского моря; при приближении зимы рыба возвращается в эту реку, чтобы избежать морских бурь. Рыба, иногда в количестве, превосходящем всякое воображение, поднимается по Уралу и останавливается там, где находит достаточно пищи. Казачи замечают это место и ожидают, когда река замерзнет. Атаман приказывает перекрыть реку на уровне косяка рыбы двумя рядами сетей, которые протягивают по всей ширине реки. Эта операция производится посредством вырубания проруби в два шага шириной, туда вводят сеть, и когда наступает 1 января, ловля начинается в присутствии оренбургского губернатора и атамана. Представьте себе тридцать тысяч казаков, каждого на саях, расположенных по берегам реки, вооруженных трезубцем или топором. Каждые сани запрягают сильной, очень быстрой лошадей. Пушечный выстрел по приказу губернатора — сигнал открытия ловли. Тогда все казаки устремляются к цели. Эта скачка происходит на протяжении нескольких верст, и казаки, чтобы прибыть первыми к цели, нуждаются, не менее чем в превосходстве лошадей, в собственной отваге: эта скачка действительно опасна, так как сани опроки-

дываются; неосторожно упавший должен надеяться на то, что его не переедут сани, следующие за ним.

Как только казаки прибывают к месту, где задержан косяк рыбы, они спешат сделать топорами дыру во льду, затем они втыкают туда трезубец и гарпунят рыб, оказавшихся снизу. Представьте, насколько велико количество рыбы, если после каждого удара казак находит хотя бы одну на конце трезубца. Наибольшая трудность, которую испытывает рыбак, заключается в том, чтобы вытащить рыбу; часто нужно просить помощи товарищей, так как пойманная рыба весит иногда сто пятьдесят или двести фунтов.

Спектакль этой ловли великолепен, берега реки представляют собой не менее любопытное зрелище. Купцы, прибывающие со всех концов империи для покупки рыбы, собираются у места ловли с большим количеством саней, нагруженных солью; каждый вечер казаки продают свою добычу и получают деньги. Купцы отправляют замороженную рыбу, а также осетровую икру в Москву, Казань и другие места. Река Урал изобилует рыбой всякого рода. Осетры, стерляди, сомы, лососи и щуки достигают там огромных размеров. Лучшие из этих рыб продаются на берегах Урала не дороже 10 копеек.

Губернатор в день открытия ловли заставляет отбирать рыбу, которую казаки отправят императору. Эта рыба отправляется дальше, в Санкт-Петербург, куда прибывает замороженной».¹¹

Приведем еще несколько слов Ноказа о сельском хозяйстве:

«Сельское хозяйство — важный государственный ресурс и главное из занятий с момента появления русских на левом берегу Волги. Огромные просторы позволяют обрабатывать каждый год новые земли. Крестьяне вынуждены работать за несколько лье от деревень, в результате чего они теряют много времени; чтобы уменьшить неудобства, они располагаются на время работ в полях, возвращаясь в свои деревни по воскресеньям.

Как только начинается сезон, сотник осматривает земли, которые хочет распахать. После этого поджигают траву, которой обычно много; зола — единственное удобрение, которое получает эта земля. Как только огонь уничтожил то, что покрывало землю, плугом де-

¹⁰ Zimmermann Ch. C. Op. cit. S. 30–32, 34.

¹¹ Voyage d'un officier... P. 144–147, 180–183.

лают борозды глубиной три дюйма; в августе ее обрабатывают второй раз и сеют рожь. Эта земля, едва обработанная, дает великолепные урожаи. Рожь, которую поставляют купцам для производства водки, дает главный доход помещикам.

Кроме капусты и огурцов, крестьяне на левом берегу Волги не выращивают овощей; у них нет никакого садоводства. Крепостные выращивают коноплю и делают из нее довольно красивые ткани, которые затем белят. Эти ткани, хоть и очень скромные по цене, долго служат этим несчастным людям, так как они зарабатывают всего несколько рублей, которыми оплачивают подушную подать.

Некоторые образованные помещики и трудолюбивые крестьяне довольно успешно занимаются разведением пчел; они имеют значительную прибыль. Воск и мед продаются хорошо и по неплохой цене.

Бараны довольно хороши, но их шерсть очень груба. На левом берегу Волги существует много суконных фабрик. Шерсть очень востребована там; несмотря на это, не прилагается никаких усилий, чтобы улучшить породу.

Земля здесь, в целом, богата; огромные леса и большие реки дают жителям огромные топливные ресурсы, дичь и рыбу. Этой просторной стране недостает лишь рук и упорства, чтобы стать превосходной. Ни в каком месте мира люди не могут легче найти все необходимое для жизни».¹²

В 1813 г. началось освобождение из плена военнослужащих тех стран, которые стали союзниками России. Первым из покинувших Оренбургскую губернию стал Рюппель. В июле 1813 г. он выехал из Бузулука в сопровождении казака. Радость омрачалась расставанием с добрыми Племянниковыми, которое стоило многих слез с обеих сторон. Благодетели подарили своему гостю кибитку с необходимыми походными принадлежностями, меховыми вещами и другой одеждой.

Весной 1814 получил свободу Циммерманн. Он покидал Бузулук, растроганный расставанием с людьми, которые смягчили его пребывание в неволе. Пленные немцы из Бузулука и его окрестностей в сопровождении двух русских офицеров отправились в Бугуруслан. Каждый был снабжен шинелью, двумя парами рубашек и парой ботинок, в которых многие

нуждались. Циммерманн получил назначение квартирмейстера и ехал с русским унтер-офицером впереди повозок, обеспечивая дома для ночлега. В июне они добрались до Бугульмы, где остались на некоторое время. В одну из ночей в городе начался сильный пожар, и пленные приняли участие в его тушении, разобрав несколько домов и не дав огню распространиться дальше. Жители Бугульмы провожали пленных благодарными возгласами и добрыми пожеланиями.

Французы были освобождены лишь летом. 3 июля (ст. ст.)¹³ за свой счет из Мензелинска выехали 6 голландских офицеров и 2 французских в сопровождении русского унтер-офицера. Накануне отъезда Вагевир поехал в имение Майорова, чтобы попрощаться и передать слова благодарности. Госпожа Майорова с дочерьми со слезами распрощались с гостем, а Степан Никитович еще восемь верст сопровождал его верхом до переправы через реку Ик.

24 июля вместе с 55 офицерами и 30 рядовыми Бирск покинул Белэ. После прибытия в Бугульму и последовавшей там остановки Белэ и Брюггеман решили ехать в Уфу, надеясь на помощь губернатора. В итоге на родину они отправились лишь 2 сентября, но так как ехали на почтовых лошадях, Риги достигли за 42 дня.

4 октября в путь отправилась и партия из 9 офицеров (среди которых был Ноказ) и 200 солдат. В деревне Кичуевской Бугульминского уезда с ними произошло трагикомическое событие. Прибывшие французы встретили здесь своих товарищей, и солдаты решили отметить встречу. Они запаслись большим количеством продовольствия и водки. Праздник начался с еды и выпивки и закончился радостным пением и выкриками. В этот же день местные жители отмечали престольный праздник. Русские также пили и пели во все горло. Некоторые из них посчитали, что нехорошо, что пленные выбрали тот же день, чтобы петь свои, как им показалось, насмешливые песни. Выпитая водка воодушевила ту и другую сторону, и русские напали. Они стали бросать камни на скамьи, которые служили праздничным столом французам. Те ответили не менее точными бросками. Сошлись врукопашную, и крестьяне были вынуждены бежать из деревни. Сотник кантона и французские офицеры

¹² Ibid.

¹³ Далее даты приведены по старому стилю.

сумели примирить победителей и побежденных, восстановить мир и обеспечили крестьянам возвращение по домам.¹⁴

Оренбургская губерния стала для мемуаристов, о которых шла речь в статье, символом России. Плен предоставил иностранцам

прекрасный шанс окунуться с головой в повседневную жизнь России и ее жителей. А закончить статью хотелось бы показательной шуткой Белэ: «Какое прекрасное и познавательное путешествие мы совершили за счет царя!».¹⁵

Ключевые слова: военнопленные, мемуары, Оренбургская губерния

Sergei N. Khomchenko

Candidate of Historical Sciences, State Borodino Military History Museum (Russia, Moscow region, Borodino)

E-mail: sergey_1812@mail.ru

THE ORENBURG PROVINCE IN THE MEMOIRS OF THE SERVICEMEN OF NAPOLEON'S GREAT ARMY

The Napoleon's Great Army servicemen who became prisoners-of-war had an opportunity to see the everyday life of various social strata of provincial Russian society. The Orenburg province of 1812–1814 was seen differently by five prisoners-of-war, who later described the administrative structure, various features of economy, and the mottle ethnic and social composition of the province's population, their way of life, occupations and relationships with each other and with the prisoners-of-war.

Key words: *Prisoners of War, memoirs, Orenburg Province*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Belay H. Paris, 1907. (in French).

Khomchenko S. N. *Istoriya Orenburgskaya: Nasledie i sovremennost* (History of Orenburg: heritage and modernity.). Orenburg, 2006, Vol. 2. pp. 325–336. (in Russ.).

Khomchenko S. N. *Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (The Patriotic war of 1812. Sources. Monuments. Problems: Proceedings of the XV International scientific conference). Mozhaisk, 2006, pp. 360–386. (in Russ.).

Matvievskiy P. Ye. *Uchenye zapiski Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute: sb. nauch. tr.* (Proceedings of the Orenburg state pedagogical institute: collected papers). Orenburg: Orenburg. gos. ped. in-t, 1962, Issue 17, 306 p. (in Russ.).

Popov A. I., Khomchenko S. N. *Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya: sb. nauch. tr.* (The era of 1812. Research. Sources. Historiography: collected papers). Moscow: GIM, 2007, pp. 215–223. (in Russ.).

Rueppel E. Berlin: Published by Gebrüder Paetel, 1912, 222 p. (in German).

Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du cote de l'Asie (Tour a French officer, prisoner in Russia, on the borders of this empire, the side of Asia). Paris: Chez Plancher, 1817, 232 p. (in French).

Wagevier C. J. Amsterdam, 1820. (in Dutch).

Yudin P. L. *Orenburgskie gubernskie vedomosti* (Orenburg province news). Orenburg, 1892, № 32. (in Russ.).

Yudin P. L. *Russkiy arkhiv (Russian Archives)*. 1896, № 3, pp. 5–33. (in Russ.).

Zimmermann Ch C. Hanover, 1863, 44 p. (in German).

¹⁴ Rüppel E. Op. cit. S. 169, 170; Zimmermann Ch. C. Op. cit. S. 35–38; Wagevier C. J. Op. cit. S. 153–155; Belay H. Op. cit. P. 150, 155, 156, 176; Voyage d'un officier... P. 197–201.

¹⁵ Belay H. Op. cit. P. 119.